

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА

Хроники Нетесаного трона. Книга 1

БРАЙАН
СТЕЙВЛИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
С 79

Brian Staveley
THE EMPEROR'S BLADES
Copyright © 2013 by Brian Staveley
Map by Isaac Stewart
All rights reserved

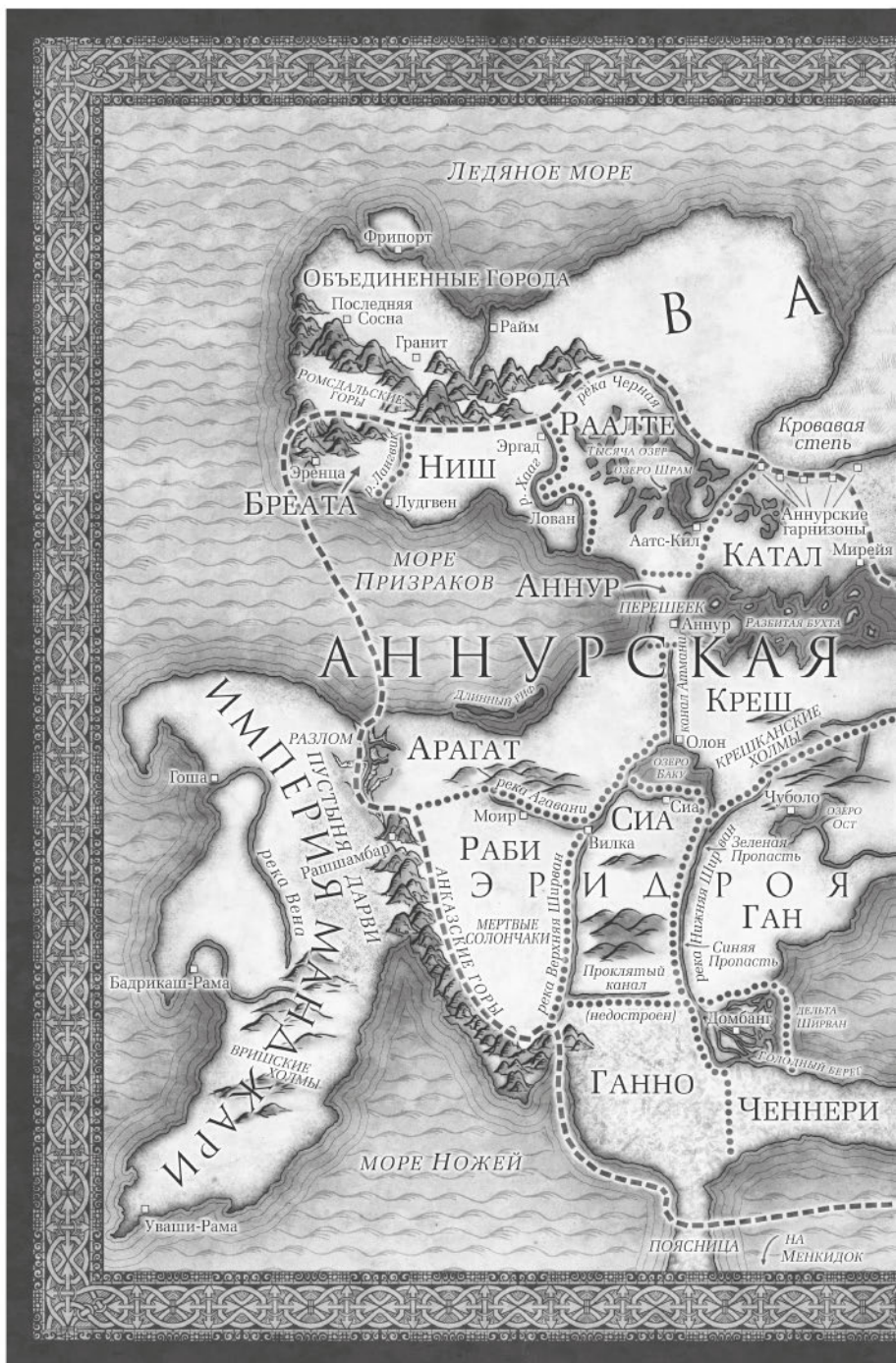
Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Liza Dawson Associates (США) при содействии агентства
Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Владимира Иванова
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Татьяны Павловой

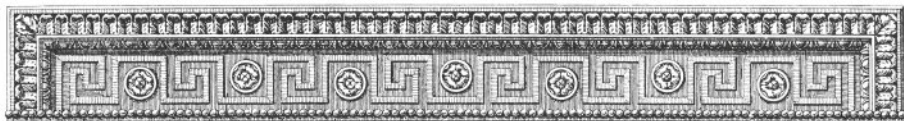
ISBN 978-5-389-20452-2

© В. Ю. Иванов, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается моим родителям,
читавшим мне сказки*

ПРОЛОГ

Гниль.

«Это все гниль, — думал Тан-из, глядя сверху в глаза дочери. — Гниль забрала мое дитя».

Длинные цепочки пленников заполнили долину. Воздух сотрясали вопли и проклятия, мольбы и всхлипывания; полуденный жар пропах кровью и мочой. Тан-из не обращал внимания ни на что — его презрительный взгляд был прикован к лицу дочери, той, что стояла перед ним на коленях, обхватив его ноги. Вера была уже взрослой женщиной: минул месяц, как ей исполнилось тридцать лет. Если не всматриваться, она могла показаться здоровой — ясные серые глаза, худые плечи, сильные руки и ноги... Однако кшештрим не рожали здоровых детей уже несколько веков.

— Отец! — молила женщина, и слезы ручьями текли по ее щекам.

«И эти слезы — тоже признак гнили».

Разумеется, для этого существовали и другие имена. Дети по невежеству или недомыслию называли свой недуг «старостью», однако в этом, как и во многом другом, они ошибались. Старость не равна дряхлости. Тан-из и сам был старцем, многовековым старцем, но жилы в его теле оставались крепкими, а ум — бодрым. Он мог бежать весь день, всю ночь и почти весь следующий день. Большинство других кшештрим были еще старше — их возраст насчитывал тысячелетия, — и они до сих пор топтали землю. Те, кто не пал в бесконечных войнах с неббарим. О нет! Время идет своим чередом, звезды молчаливо плывут по орбитам, сезоны сменяют друг друга, и ничто из этого само по себе никак не может

навредить. Не возраст, но гниль точит детей, пожирает их внутренности и умы, высасывая из них силу, превращая в прах те проблески разума, которыми они некогда обладали. А за гнилью идет смерть.

— Отец!.. — повторила Вера и снова не запнулась на этом слове.

— Дочь, — отозвался Тан-из.

— Ты ведь не...

Она прерывисто дышала, оглядываясь через плечо на ров, где в солнечных лучах сверкала сталь: доран-се уже принялись за работу.

— Ты ведь не можешь...

Тан-из склонил голову к плечу. Он пытался понять свою дочь, пытался понять всех своих детей. Хоть он и не был целителем, солдатская жизнь давным-давно научила его заботиться о сломанных костях и разорванной коже, ухаживать за гниющей плотью, когда в раны попадала грязь, врачевать изматывающий кашель у тех, кто слишком долго не видел дома. Но это... он не мог постичь природу сокрушительного недуга и тем более был не в силах его излечить.

— Дочь, ты одержима. Гниль овладела тобой.

Опустив руку, Тан-из провел пальцем вдоль морщин на лбу дочери, коснулся хрупких лучиков, разбегающихся от уголков глаз, отыскал тонкую серебряную нить, затерявшуюся среди каштановых локонов. Всего несколько десятков лет, а ее гладкая оливковая кожа уже начала грубеть от солнца и ветра. Когда Вера, вырвавшись в этот мир, впервые показалась между ляжек своей матери, крепкотелая и вопящая во все горло, он было подумал, что девочка вырастет здоровой и недуг ее не коснется. С тех самых пор этот вопрос не оставлял его — и вот ответ.

— Пока гниль лишь слегка тебя тронула, — отметил он, — но со временем ее хватка окрепнет.

— И это вам поможет? — выкрикнула она, в отчаянии дернув головой в сторону свежевыкопанного рва. — Вот к чему вы пришли?

Тан-из покачал головой:

— Решение принимал не я. Совет проголосовал...

— Почему? Почему вы так нас ненавидите?

— Ненавидим? — повторил он. — У нас нет такого слова, дитя. Его придумали вы.

— Это не слово! Это чувство — настоящее чувство! Хоть что-то реальное, хоть какая-то правда об этом мире!

Тан-из покивал. Ему уже доводилось слышать нечто подобное. «Ненависть», «отвага», «страх»... Те, кто считает, что гниль — всего лишь недуг плоти, не понимают в ней ничего. Она разрушает разум, подтачивает само основание мысли и рассудка.

— Я выросла из твоего семени, — заговорила Вера, как если бы это логически следовало из сказанного ею прежде. — Ты кормил меня, когда я была маленькая!

— Так же поступают многие живые существа: волки, орлы, лошади. Все молодые и несовершеннолетние должны опираться на тех, кто их породил.

— Волки, орлы и лошади защищают своих детей! — вскричала она, плача уже навзрыд и сильнее сжимая его ноги. — Я видела! Они охраняют и берегут, кормят и ухаживают. Они растят своих детей!

Вера протянула дрожащую, ищущую руку к лицу отца:

— Почему вы отказываетесь растить нас?

Тан-из отвел руку дочери в сторону:

— Волки растят своих детей, чтобы те стали волками. Орлы — орлами. Вы же... — Он нахмурил брови. — Мы вырастили вас, но вы оказались испорчены. Осквернены. Сомнительны. Посмотри сама...

Он указал на сторбленные, поникшие фигуры, застывшие возле края рва; сотни фигур, молча ждущих своей участи.

— Вы и без нас умрете, и очень скоро.

— Но мы ведь люди! Мы ваши дети!

Тан-из утомленно покачал головой: нет смысла приводить разумные доводы тому, чей разум помрачен.

— Вы никогда не станете нам ровней, — спокойно проговорил он, вытаскивая нож.

При виде клинка Вера издала горлом сдавленный звук и отпрянула. Тан-из подумал, не попытается ли она бежать. Некоторые пытались. Никто не убежал далеко. Эта его дочь, однако, убежать не стала. Вместо того она сжала руки в бледные трясущиеся кулаки и видимым усилием воли поднялась с колен. Теперь она

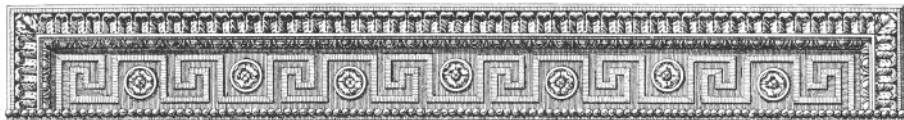
смотрела ему прямо в глаза, и, хотя волосы прилипли к ее мокрым от слез щекам, она больше не плакала. Впервые, пусть и ненадолго, корезивший ее ужас отступил. Она казалась почти здоровой. Исцеленной.

— А такими, какие мы есть, вы нас любить не можете? — спросила она, медленно и четко выговаривая слова. — Пусть оскверненных, пусть испорченных! Пусть совсем прогнивших — такими вы нас не можете любить?

— Любить... — повторил Тан-из, пробуя на вкус незнакомое созвучие, перекаывая его во рту.

Нож вошел в ее тело и двинулся вверх, через мышцы, между ребер, прямо к бешено колотящемуся сердцу.

— Это, дочь, ваше слово — как и «ненавидеть». У нас такого нет.

I

Солнце уже висело над самыми вершинами гор — безмолвный яростно пылающий уголек, заливший гранитные утесы светом, словно кровью, — когда Каден обнаружил растерзанную козу.

Многие часы он шел за проклятой тварью по извилистым горным тропкам, выискивая следы там, где земля была помягче; на удачу выходил на голую скалу и возвращался обратно, если догадка оказывалась неверной. Медленная, утомительная работа — как раз такую старшие монахи с радостью поручали своим ученикам. Солнце мало-помалу уходило за горизонт, небо на западе наливалось лиловым, словно набухающий синяк, и Каден начал беспокоиться, не придется ли провести среди горных вершин всю ночь, согреваясь лишь грубо тканым балахоном. Согласно аннурскому календарю, весна уже несколько недель как наступила, однако монахи не придавали календарю большого значения — равно как и погода, все еще суровая и неуступчивая. В длинных полосах тени под скалами лежали клочья грязного снега, от камней веяло холодом, а иголки на немногочисленных узловатых кустах можжевельника по-прежнему были скорее серыми, чем зелеными.

— Ну давай же, сволочь, — бормотал Каден, изучая очередной след. — Неужели тебе хочется здесь ночевать? Мне точно не хочется.

Горный ландшафт представлял собой сплошной лабиринт ущелий и каньонов, узких промоин и заваленных щебнем уступов. Каден уже пересек три нажравшихся снежной каши ручья, которые пенились в теснинах каменных стен, и его балахон отсырел от брызг. Когда солнце сядет, ткань задубеет от холода. Как козе

удалось перебраться через стремительные потоки, он мог только гадать.

— Сколько можно по твоей милости таскаться среди этих скал?..

Слова замерли на губах: он наконец нашел свою пропажу. Коза была шагах в тридцати, зажата в расщелине так, что виднелась только задняя ее часть.

Хотя он не мог ее как следует рассмотреть — по всей видимости, она застряла между большим валуном и стеной ущелья, — в глаза бросалось, что с ней что-то не так. Животное стояло неподвижно, слишком неподвижно; задние ляжки вывернуты под неестественным углом, ноги торчат прямо, как палки.

— Ты это брось, — неуверенно сказал Каден.

Он подошел ближе, горячо надеясь, что козу не угораздило покалечиться слишком сильно. Монахи хин были небогаты, козьи стада служили им источником молока и мяса. Если Каден вернется с раненым животным или еще хуже — с мертвым, его ждет суровое наказание от умиала.

— Ты это брось, старина, — повторил Каден, осторожно взбираясь по расщелине.

Судя по всему, коза застряла, но, если все же могла бегать, ему вовсе не хотелось снова гоняться за ней по всем Костистым горам.

— Внизу пастбища получше. Сейчас вместе спустимся...

Вечерние тени скрывали кровь, пока Каден едва не наступил в нее. Она разлилась широкой, темной неподвижной лужей. Животное было растерзано: на бедре зияла глубокая рана, идущая дальше к животу, через мышцы вглубь к внутренностям. На глазах у Кадена из раны вытекли последние бурые капли. Превращая мягкий пух на подбрюшье в липкую волокнистую массу, они стекали вниз по одеревенелым ногам, словно моча.

— Шаэль поberi! — выругался он, огибая застрявший в ущелье валун.

В том, что скалистый лев задрал козу, не было ничего необычного, однако теперь придется тащить тушу обратно в монастырь на своих плечах.

— Нужно было тебе убежать! Не могла ты...

Он не договорил, почувствовав, как выпрямилась и напряглась спина: ему наконец удалось как следует рассмотреть животное. По коже ослепительной холодной вспышкой полоснул страх.

Каден перевел дыхание, затем усилием воли успокоился. Хинское обучение мало на что годилось, но усмирять свои эмоции он за восемь лет научился. Страх, зависть, гнев, удовлетворение — он по-прежнему их ощущал, но поверхностно, а не нутром, как прежде. Сейчас, однако, даже глядя из крепости собственного спокойствия, он не мог отвести глаза от туши.

Тварь, выпотрошившая козу — Каден тщетно пытался представить, что это могло быть, — на этом не остановилась. Голова животного была сорвана с плеч, крепкие сухожилия и мышцы разорваны несколькими резкими сильными ударами, так что у туши остался торчать обрубок шеи. Скалистый лев мог задрать отбившегося от стада слабака, но не так. Эти раны были слишком жестоки, даже излишни; в них не читалась будничная расчетливость убийств, которые Кадену доводилось видеть в горах. Несчастную козу не просто задрали — ее разорвали на части.

Каден огляделся в поисках недостающей части туши. Камни и ветки, смытые первыми весенними паводками, забили узкую горловину расщелины, образовав заплетенный травами и подбитый илом матрас, из которого торчали выбеленные солнцем цепкие деревянные скелетики-пальцы. В расщелине скопилось столько мусора, что голову удалось найти не сразу — она валялась на боку в нескольких шагах от козы. Почти вся шерсть была содрана, а череп расколот. Мозга не было, его вычерпали, словно ложкой из миски.

Первой мыслью Кадена было бежать. Кровь еще капала со слипшегося козьего меха — в угасающем свете дня она казалась скорее черной, чем красной, — а значит, убийца мог прятаться где-нибудь в скалах, карауля свою добычу. Никто из местных хищников не стал бы нападать на Кадена — тот был довольно высок для своих семнадцати лет, хорошо сложен и силен, поскольку полжизни провел в тяжком труде. С другой стороны, никто из местных хищников не стал бы отрывать козью голову и выедать из нее мозг.

Каден повернулся к устью ущелья. Солнце уже скрылось за степью, оставив лишь ожог в небе над горизонтом. Ночь заполняла ущелье, словно масло, струйкой льющееся в кувшин. Даже если пуститься в путь немедленно и всю дорогу бежать что есть силы, последние несколько миль до монастыря придется покрыть в полной темноте. Каден думал, что давно перерос страх ночи

в горах, но ему совсем не нравилась перспектива идти, спотыкаясь на каменистой тропе, под взглядом затаившегося во тьме неизвестного хищника.

Он шагнул в сторону от изувеченной туши.

— Хенг захочет, чтобы я это нарисовал, — пробормотал он, заставляя себя вновь повернуться к месту бойни.

Любой, имеющий кисть и клочок пергамента, сумеет сделать набросок, однако монахи хин ожидали от своих послушников и учеников большего. Рисование — следствие видения, а у монахов был свой особый способ видеть. Они называли это «сама-ан» — «гравированный ум». Разумеется, это было всего лишь упражнение, шагок на долгом пути к достижению ваниате, полного освобождения; но и это искусство могло принести пусть и небольшую, но пользу. За восемь лет в горах Каден научился видеть, действительно видеть мир таким, какой он есть: след пятнистого медведя, зубчики на лепестке вилколуста, вздымающиеся башни отдаленных горных вершин. Бесчисленные часы, недели, даже годы он смотрел, вглядывался, запоминал. Каден мог с точностью до последней черточки нарисовать любое из тысяч растений и животных и запечатлеть в памяти любую сцену длительностью в несколько ударов сердца.

Он дважды медленно вдохнул и выдохнул, освобождая место в голове — готова чистую дощечку, на которой будут выгравированы все мельчайшие детали. Страх оставался, но он был препятствием, и Каден как мог умалил его, сосредоточившись на текущей задаче. Подготовив дощечку, он принялся за работу. У него ушло лишь несколько вдохов и выдохов, чтобы запечатлеть оторванную голову, лужи темной крови, изувеченную тушу животного. Линии были уверенными и точными, тоньше любой кисти, и, в отличие от обычной памяти, мысленное рисование оставило яркий, четкий образ, незыблемый, как скала под ногами, — такой, который он сможет при желании воссоздать и внимательно изучить. Каден завершил сама-ан и позволил себе длинный осторожный выдох.

— Страх есть слепота, — пробормотал он, цитируя старый хинский афоризм. — Спокойствие — зрение.

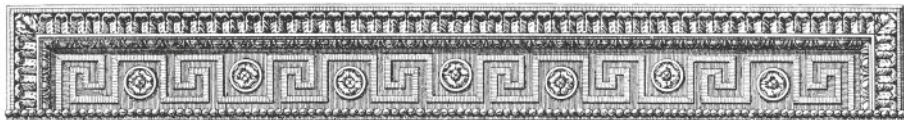
Мудрость древних служила слабым утешением свидетелю кровавой сцены, однако теперь, когда в памяти были выгравированы подробности убийства, Каден мог наконец уйти. Бросив через

плечо взгляд на ближние утесы — не затаился ли в них хищник, — Каден двинулся к устью расщелины. Ночной туман уже переваливал через горные вершины. Каден неся наперегонки с темнотой вниз по неверным тропкам; его сандалии мелькали рядом со сбитыми с деревьев ветками, рядом с предателями-камнями, готовыми кинуться под ноги, чтобы человек сломал лодыжку. Ноги, озябшие и одеревенелые после многочасового осторожного выслеживания козы, постепенно разогревались от движения; сердце установило ровный ритм.

«Ты ни от кого не убегаешь, — повторял он сам себе. — Просто торопишься домой».

Впрочем, у Кадена вырвался тихий вздох облегчения, когда спустя милю тропа обогнула отвесную, похожую на башню скалу — монахи называли ее Коготь — и далеко впереди показался Ашк-лан. Горстка каменных строений жалась на узком уступе в тысяче футов внизу, словно пытаясь отодвинуться подальше от бездны. В нескольких окнах тлели теплые огоньки. Наверное, в кухне при трапезной в очаге развели огонь, а в зале для медитаций зажгли светильники; слышится тихий гул: монахи уже совершают вечерние омовения и ритуалы..

Безопасность. Это слово непрошеным появилось в его уме. Там, внизу, ждала безопасность, и Каден невольно прибавил шаг — заторопился к этим слабым, скудным огонькам, убегая от того, что таилось в неведомой темноте позади.

2

Каден бегом пересек уступ перед центральным двором Ашклана, но сбавил темп, оказавшись внутри. Его тревога, столь острая и ясно ощутимая при виде растерзанной козы, понемногу утихла, пока он спускался с горных вершин и подходил все ближе к монастырю, откуда веяло теплом и дружелюбием. Теперь, направляясь к основной группе строений, он чувствовал, что глупо было так нестись. Конечно, смерть животного оставалась загадкой, однако и горные тропы могут быть опасны, особенно для тех, у кого хватает ума бегать по ним в темноте. Каден перешел на неспешный шаг, собираясь с мыслями.

«Мало мне было козу потерять! Если бы я умудрился еще и ногу сломать — вот тут-то Хенг точно исхлестал бы меня в кровь!»

Гравий монастырских дорожек хрустел под его сандалиями. Это был единственный звук, не считая жалобных завываний ветра, то налетавшего порывом, то вновь стихавшего, то принимавшегося кружить меж узловатых ветвей деревьев и холодных каменных стен. Все монахи были уже внутри; кто-то сгорбился над миской, кто-то постился, сидя со скрещенными ногами в зале для медитаций и постигая пустоту. Подойдя к трапезной — длинному, низкому строению, источенному ветрами и дождями до такой степени, что оно казалось едва ли не частью скалы, — Каден приостановился, чтобы зачерпнуть воды из бочки возле двери. Сделав глоток и чувствуя, как вода стекает в глотку, он выровнял дыхание и замедлил биение сердца. Не стоило подходить к умиалу в состоянии смятения, со спутанными мыслями. Превыше всего монахи хин ценили спокойствие и ясность. Учителя не раз

пороли Кадена за беготню, за крики, за излишнюю поспешность, за необдуманное движение. К тому же он теперь дома; вряд ли убийца козы станет рыскать здесь, среди этих суровых построек.

Вблизи Ашк-лан не производил большого впечатления, тем более ночью: три длинных каменных здания — спальня корпус, трапезная и зал для медитаций — образовывали квадратный двор; их бледные гранитные стены были, словно молоком, облиты лунным светом. Они ютились на самом краю отвесного утеса, так что четвертая сторона двора зияла провалом, за которым открывалась панорама облачного неба над предгорьями и западной степью. Далеко внизу травяные луга уже наливались весенней цветочной кипенью — качались на ветру синие хелендеры, там и здесь виднелись купы монашеских слезок, рябили в глазах крошечные белые узелки-на-верность. Однако ночью, под холодным непроницаемым взглядом звезд, степь была невидима. Повернувшись к краю обрыва, Каден оказался лицом к лицу с огромной пустотой, неизмеримой черной бездной. Казалось, Ашк-лан стоит на самом краю мира, прилепившись к отвесной скале, словно часовой, который караулит великое ничто, готовое поглотить все сущее...

Сделав еще глоток, Каден отвернулся. Ночь принесла холод, и теперь, когда он больше не бежал, порывы ветра с Костистых гор секли его пропотевший балахон, словно ледяные ножи. Чувствуя, как урчит в желудке, он обратился к теплому желтому свету и тихим отзвукам беседы, лившимся из окон трапезной. Обычно в этот час, когда солнце уже зашло, а ночная молитва еще не началась, большинство монахов вкушали свою скромную вечернюю пищу: вяленую баранину, репу и сухой черный хлеб. Хенг, умиал Кадена, скорее всего, там же, вместе с остальными, и, если все пройдет удачно, Каден быстренько доложит ему о случившемся, набросает по памяти рисунок и успеет насладиться еще теплой едой. Монашеская пища была куда как скромнее тех яств, которые мальчишкой он вкушал в Рассветном дворце, пока отец не отослал его к монахам; однако у хин была поговорка: «Голод — лучшая приправа».

У хин были поговорки на все случаи жизни; их передавали из поколения в поколение, словно пытаясь восполнить отсутствие у ордена богослужений и формальных ритуалов. Пустому Богу не было дела до пышных обрядов, принятых в городских храмах.

В то время как более молодые боги вовсю обжирались музыкой, молениями и приношениями, возлагаемыми на изысканные алтари, Пустой Бог требовал от хин лишь одного — жертвы. И на его алтарь полагалось класть не вино или богатства, но самого себя. «Ум — это огонек, — говорили монахи. — Задуй его».

Даже спустя восемь лет Каден не очень понимал, что это значит, а под нетерпеливое урчание желудка ему не особенно хотелось об этом размышлять. Толкнув тяжелую дверь трапезной, он ступил внутрь, и его окутал тихий гул разговоров. В вытянутом помещении было полно монахов: одни сидели за грубо сколоченными столами, склонив головы над мисками, другие стоя грелись у огня, пылавшего в очаге в дальнем конце зала. Несколько человек увлеченно играли в камни; они глядели на доску перед собой пустыми глазами, мысленно проводя линии обороны и атаки.

Люди отличались друг от друга так же, как и страны, из которых они прибыли: высокие и плотные белокожие эды с далекого севера, где море половину года укрыто льдом; жилистые ханны с покрытыми татуировками кистями и предплечьями, как принято среди племен, населяющих джунгли к северу от Поясницы; даже несколько зеленоглазых манджари, чья смуглая кожа была лишь немногим темнее, чем у самого Кадена. Впрочем, несмотря на разницу во внешности, всех монахов объединяли суровость и спокойствие, рожденные жизнью в суровых и спокойных горах, вдалеке от комфорта того мира, в котором они начинали свой путь.

Хин были малочисленным орденом; в Ашк-лане вряд ли насчитывалось более двухсот монахов. Молодые боги — Эйра, Хекет, Орелла и другие — влекли к себе приверженцев со всех трех континентов, у них были свои храмы едва ли не в каждом захудалом городишке: роскошные позолоченные дворцы, устланные шелком. Некоторые могли поспорить с жилищами самых богатых министров и атрепов. Одному Хекету служило, наверное, несколько тысяч жрецов, и еще вдесятеро больше людей стекалось к его алтарю в надежде обрести смелость.

У менее приятных божеств тоже были свои почитатели. Ходило множество слухов о палатах Рашшамбара и кровавых служителях Ананшаэля, о кубках, вырезанных из черепов и сочащихся мозгом, о задушенных во сне младенцах, о жутких оргиях, где страсть сочеталась ужасным союзом со смертью. Порой говорили, что лишь десятая часть тех, кто открывал двери его святилищ, воз-

вращалась обратно. «Их забрал Владыка Костей, — шептались люди. — Сама Смерть взяла их себе».

Старшие боги, отдалившиеся от мира и безразличные к делам людей, имели меньше поклонников. Но тем не менее у них были имена — Интарра и ее супруг Хал Летучая Мышь, Пта и Астарен, — и тысячи людей со всех трех континентов чтили их.

Лишь Пустой Бог оставался безымянным, безликим. По представлениям хин, он был старейшим, самым таинственным и могущественным из богов. Большинство людей за пределами Ашклана считали, что он исчез или никогда не существовал. Кто-то говорил, что его убила Эйе, когда создавала мир, небо и звезды. Кадену это казалось весьма правдоподобным: за все годы, что он бегал вверх и вниз по горным перевалам, он ни разу не встретил никаких признаков бога.

Каден осмотрел помещение, ища кого-нибудь из приятелей, и обнаружил, что из-за стола возле стены на него глядит Акйил. Рядом на длинной скамье расположились Серкан и толстяк Фирум Прумм (единственный из обитателей Ашк-лана, которому удавалось сохранить свои объемы, несмотря на бесконечную беготню, таскание тяжестей и участие в строительстве — всего этого требовали от учеников старшие монахи). Каден кивнул в ответ и собрался было пройти к приятелю, но тут в другом конце трапезной заметил Хенга. Он с трудом подавил вздох — умиал наверняка наложит какое-нибудь наказание, если ученик сядет ужинать без доклада. Похоже, оставалось надеяться, что рассказ о задранной козе не займет много времени и вскоре Каден присоединится к другим и наконец-то получит свою миску похлебки.

Уя Хенга было трудно не заметить. Во многих отношениях он больше пришелся бы к месту в одном из прославленных питейных заведений Аннура, нежели здесь, в далеком уединенном монастыре в сотне лиг от границы империи. В отличие от остальных монахов, исполнявших свои работы в смиренном молчании, Уй Хенг мурлыкал себе под нос, ходя за козами, распевал во все горло, таская на гору огромные мешки глины с отмерей, и выкидывал бесчисленные коленца, кроша репу в котлы. Он умудрялся шутить, даже когда избивал в кровь своих учеников. В настоящий момент он развлекал собратьев по столу длинным рассказом, перемежавшимся замысловатыми жестами и чем-то наподобие птичьего посвиста. Однако, как только он увидел приближающегося Кадена, улыбка сползла с его лица.

— Я нашел козу, — отчитался Каден без предисловий.

Хенг вытянул обе руки, будто пытаясь остановить слова на полпути.

— Я больше не твой умиал, — объявил он.

Каден захлопал глазами. Шьял Нин, настоятель монастыря, примерно раз в год назначал ученикам новых умиалов, но никогда не делал этого так внезапно. Не посреди же ужина.

— Что случилось? — спросил Каден, охваченный внезапным подозрением.

— Тебе пора двигаться дальше.

— Прямо сейчас?

— А другого времени и не бывает. Завтра тоже будет «сейчас».

Каден проглотил колкое замечание (даже если Хенг ему больше не умиал, это не помешает монаху отхлестать его).

— И кого мне назначили? — спросил он.

— Рампури Тана, — ответил Хенг глухо; в его голосе не слышалось обычного веселья.

Каден молча уставился на него. Все знали, что Рампури Тан не берет учеников. Кроме того, несмотря на линиялый коричневый балахон и выбритую голову, а также на то, что он целыми днями сидел со скрещенными ногами и застывшим взглядом, погруженный в созерцание Пустого Бога, Рампури Тан вообще не производил впечатления монаха. Каден не мог бы сказать точно, в чем тут дело, но и послушники это чувствовали — среди них ходила сотня домыслов, в которых Тану приписывались разные истории прошлого, одна невероятнее другой, от самых темных до совершенно блистательных. Говорили, например, что шрамы на лице он получил на Изгибе, сражаясь на арене с дикими зверями; что он убийца и вор, раскаявшийся в своих злодеяниях и избравший путь созерцания; что он обездоленный брат какого-то вельможи или атрепа, скрывающийся в Ашк-лане лишь до тех пор, пока не выносит достойный план мести. Каден не был особенно склонен верить какой-либо версии, однако отмечал в них одну общую черту: насилие. Насилие и опасность. Кем бы ни был Рампури Тан до прибытия в Ашк-лан, Каден не горел желанием видеть его своим умиалом.

— Он ждет тебя, — сказал Хенг, и в его голосе послышалось нечто наподобие сочувствия. — Я обещал послать тебя к нему в келью, как только ты придешь.

Каден позволил себе еще разок оглянуться на стол, за которым сидели его друзья, хлебая свое варево и пользуясь теми несколькими минутами не подчиненной распорядку беседы, которые были им позволены в течение дня.

— Ступай! — велел Хенг, прерывая его размышления.

Дорога от трапезной до спального корпуса была недлинной — сотня шагов через двор, потом вверх по короткой тропинке между двумя рядами высохших можжевельников. Каден быстро преодолел расстояние, стремясь поскорее укрыться от ветра, и толкнул тяжелую деревянную дверь. Все монахи, даже настоятель Шьял Нин, спали в совершенно одинаковых кельях, выходящих в длинный центральный проход. Комнатухи были маленькими, в них едва хватало места для соломенного тюфяка, грубой плетеной циновки и пары полок, но ведь монахи в основном проводили время вне корпуса: в мастерских или медитационном зале.

Оказавшись внутри, куда не залетал пронзительный ветер, Каден замедлил шаг, чтобы подготовиться к предстоящей встрече. Он не знал, чего ждать. Некоторые наставники сразу проверяли нового ученика, другие сперва наблюдали, оценивая способности и слабые места будущего монаха, и только потом решали, какой стиль обучения избрать.

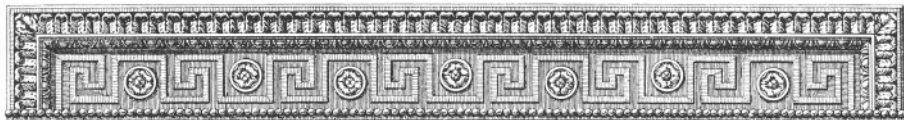
«Это всего лишь новый умиал, — убеждал себя Каден. — Год назад Хенг тоже был для тебя новым умиалом, но ты же привык!»

И тем не менее во всем этом было что-то странное, тревожащее. Сперва расчлененная коза, потом эта внезапная смена наставника, когда по-хорошему ему полагалось сидеть на длинной скамье перед дымящейся миской, споря с Акйилом и другими учениками...

Каден медленно набрал в легкие воздух, медленно выдохнул. Беспокойство никогда не приносит пользы.

«Живи сейчас, — сказал он себе, повторяя один из основных хинских афоризмов. — Будущее есть сон...»

Однако же некий голос в глубине его мыслей, голос, который невозможно было успокоить или заглушить, тут же напомнил: далеко не все сны приятны, и порой, сколько ни мечись и ни ворочайся в постели, ты не в силах проснуться.

3

Рампури Тан сидел на полу своей маленькой кельи спиной к двери. Перед ним на каменных плитах был расстелен чистый лист пергамента. В левой руке он держал кисть, однако все медлил окунуть ее в плошку с разведенными чернилами, стоявшую сбоку.

— Входи, — приказал он, не поворачиваясь к двери и подзывая Кадена свободной рукой.

Тот переступил порог и остановился. Первые несколько минут с новым умиалом могли задать тон их дальнейшим отношениям. Большинство монахов стремились сразу произвести впечатление на учеников, а Каден вовсе не горел желанием заработать суровое наказание из-за какой-нибудь оплошности или ошибки в суждении. Тан, однако, молчаливо созерцал свой чистый пергамент и, по-видимому, был вполне удовлетворен этим занятием. Каден приготовился терпеливо ждать, примераясь к странностям нового наставника.

Было нетрудно понять, откуда у послушников взялась идея, что Тан в молодости сражался на арене. Хотя монаху давно уже перевалило за пятый десяток, его мускулатура оставалась могучей — в особенности выделялись мощные плечи и шея, — и в целом своим телосложением Рампури Тан напоминал валун. Сквозь редкую щетину на его черепе виднелись глубокие шрамы, белые на фоне темной кожи, словно какой-то дикий зверь рвал его голову когтями, снова и снова рассекая плоть до самой кости. Как бы ни появились эти раны, боль, очевидно, была мучительной... Мысли Кадена снова перескочили к расчлененной туше, и он зябко поежился.

— Ты нашел животное, за которым посылал тебя Хенг, — резко заговорил монах.

Фраза прозвучала не как вопрос, и несколько мгновений Каден колебался, стоит ли отвечать.

— Да, — отозвался он наконец.

— Ты вернул его в стадо?

— Нет.

— Почему?

— Его убили. Очень жестоко.

Тан отложил кисть, одним плавным движением поднялся на ноги и впервые за все это время повернулся лицом к ученику. Он был высок, почти одного роста с Каденом, и тот внезапно почувствовал, будто в тесной келье стало очень мало места. Глаза монаха, темные и острые, словно заточенные гвозди, пришилили Кадена к месту. Дома, в Аннуре, ему случалось видеть людей с запада Эридрои или с крайнего юга — укротителей диких животных, которые могли подчинять своей воле медведей и ягуаров одной лишь силой взгляда. Сейчас Каден чувствовал себя одним из этих зверей: только сделав над собой усилие, он смог выдержать взгляд своего нового умиала.

— Скалистый лев? — спросил монах.

Каден покачал головой:

— Башка была оторвана от шеи, словно отрублена. И кто-то выел мозг из черепа.

Несколько мгновений Тан смотрел на него, потом указал на кисть, плоску с чернилами и пергамент, лежавшие на полу:

— Рисуи.

Каден уселся, чувствуя некоторое облегчение. Какие бы сюрпризы ни готовила ему опека Рампури Тана, по крайней мере, некоторые привычки тот разделял с Хенгом — слыша о чем-либо необычном, тут же требовал рисунок. Что ж, это было несложно. Каден сделал два вдоха и выдоха, сосредоточил мысли и вызвал сама-ан. Картина заполнила его внутренний взор во всех своих деталях: намокшая козья шерсть, свисающие куски плоти, пустая чаша черепа, отброшенного, словно разбитый горшок. Он окунул кончик кисти в плоску и принялся рисовать.

Работа продвигалась быстро — обучаясь у монахов, он имел достаточно времени, чтобы отточить свое мастерство. Каден

опустил кисть. Изображение на пергаменте могло бы быть отражением его разума в неподвижной воде озера.

Огромное, тяжелое, как камень, молчание заполнило пространство за его спиной. Каден боролся с искушением оглянуться, но ему было сказано только сесть и рисовать, ничего больше. Рисунок был закончен, так что теперь он просто сидел.

— Это то, что ты видел? — наконец спросил Тан.

Каден кивнул.

— И у тебя хватило самообладания остаться и сделать сама-ан.

Кадена затопило удовлетворение. Возможно, обучение под руководством Тана окажется не таким уж и страшным...

— Что-нибудь еще? — спросил монах.

— Больше ничего.

Жестокий удар обрушился столь неожиданно, что Каден прикусил язык. Поперек спины вспыхнула яркая жгучая полоса боли, во рту разлился медный вкус крови. Он дернулся было, чтобы выставить руку, защищаясь от следующего удара, но тут же подавил инстинктивное движение. Тан теперь его умиял, то есть имеет полное право налагать на него повинности и наказания по своему усмотрению. Причина внезапного избиения оставалась для Кадена загадкой, однако он знал, как следует держаться при порке.

Восемь лет, проведенных у хин, научили его, что «боль» — более чем приблизительное слово для того многообразия ощущений, которое им обозначается. Каден узнал, как мучительно сдавливают ноги, слишком долго погруженные в ледяную воду, и как бешено колет и чешется под кожей, когда они начинают отогреваться. Он изучил медленную тянущую усталость, пронизывающую мышцы, вынужденные работать сверх своих возможностей, и ростки страдания, расцветающие на следующий день, когда начинаешь разминать пальцами дрожащую плоть. Есть быстрая, яркая боль чистого пореза от соскользнувшего ножа и тупая, пульсирующая головная боль после недельного поста. Монахи хин придавали боли очень большое значение. Боль, говорили они, — это напоминание о том, сколь крепки узы, привязывающие нас к собственному телу. Напоминание о нашем поражении.

— Закончи рисунок, — велел Тан.

Каден снова вызвал в уме сама-ан, затем сравнил его с лежащим на полу пергаментом. Все было передано в мельчайших деталях.

Стейвли Б.

С 79 Хроники Нетесаного трона. Книга 1 : Клинки императора : роман / Брайан Стейвли ; пер. с англ. В. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 576 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-20452-2

В Аннуре предательски убит император из династии Малкенианов — потомков богини света. В государстве назревает смута. Кому же достанется власть?

У императора трое детей, и у каждого свой жизненный путь — путь мудреца, война или политика.

Наследник Нетесаного трона Каден живет в отдаленном горном монастыре, постигая таинственное искусство, дающее ключ к древней силе. В скором времени Кадена должны объявить самым влиятельным правителем в мире. Но пока этого не произошло, его жизни угрожает опасность...

Валин, младший сын императора, готовится стать воином элитного подразделения, летающего на гигантских ястребах. Перед последним жестоким испытанием он узнает о заговоре против династии Малкенианов и о смерти отца. Валин стремится спасти брата, наследника трона, но после череды странных происшествий понимает, что и за его головой идет охота...

Адер, дочь императора, занимающая высокий государственный пост, вынашивает план мести, желая обличить и покарать убийцу. Она уверена в том, что знает его. Однако тайная записка отца, которую тот вложил в завещанную дочери книгу, переворачивает все с ног на голову. К чему призывает император в предсмертном послании? Кого он называет своими клинками? Смогут ли потомки богини света противостоять заговорщикам?

«Клинки императора» — первая книга трилогии «Хроники Нетесаного трона».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

БРАЙАН СТЕЙВЛИ
ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА
КНИГА I
КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.03.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-29386-01-R